Слово редактора-составителя

Алексей С. Титков
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Социологи и архитекторы: два пути к новым онтологиям

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-8-18

Архитектура как текст, архитектура как культурная форма — одно из немногих общих мест, которые некогда связывали социологов и архитекторов, давали им возможность разговаривать на общем языке. Видеть в архитектуре проявление деятельной воли, групповой или индивидуальной, которая была выражена в определенной форме и закреплена в материи, — такой подход в социологии отсылает к опытам сначала Зиммеля [Зиммель, 1996; Зиммель, 2013], затем Беньямина [Беньямин, 2013; Benjamin, 1999]. Принимая такую интуицию, социологи включались в широкое интеллектуальное движение, мало считавшееся с дисциплинарными границами. Искусствовед Генрих Вёльфлин [Вёльфлин, 1930 (1915)], социолог Питирим Сорокин [Сорокин, 2000 (1937)], архитектор Нильс Лунинг Прак [Прак, 2017 (1968)] — наглядные примеры такого общего течения. Внутреннее напряжение между идеей культурных стилей как относительно автономной реальности с собственной динамикой развития (Вёльфлин, Сорокин) и признанием их зависимости от социального и экономического контекста, который находит свое вы-

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), доцент философско-социологического факультета РАНХиГС. Научные интересы: политическая социология, история социологических идей, культурсоциология. E-mail: a-titkov@yandex.ru
Alexey Titkov — associate professor of the Philosophical-Sociological Faculty of the Russian Academy of Sciences, sociologist (MSSES 2010), candidate of geographical sciences (Institute of Geography, RAS, 2008). Research interests: political sociology, history of sociological ideas, cultural sociology. E-mail: a-titkov@yandex.ru

ражение в культурных формах (Беньямин, Прак), тоже проявлялось, скорее, поверх дисциплинарных разделений.

Говорить о таком единстве подхода приходится в давно прошедшем времени. За столетие после Зиммеля и Вёльфлина социология и архитектура разошлись по радикально разным направлениям. Социологи в XX веке отточили до совершенства стиль объяснения, получивший название социологизма, сведения наблюдаемых объектов к социальной реальности особого рода. Архитектурные объекты в руках современных классиков социологии оказываются локусами социальных практик [Гидденс, 2003], объективированной социальной структурой [Бурдье, 1993] или еще чем-то подобным, открытым по большей части лишь натренированному взгляду социолога-профессионала. В столкновении с архитектурными амбициями изменить мир, создавая новые для людей пространственные формы, невидимая социальная реальность, доказывают социологи, оказывается сильнее. Причудливый, каркасом наизнанку, Центр Помпиду легко вписывается в социальную среду, помогая закрепить уже существующие структуры культурного капитала и связанный с ними неравный доступ к городскому пространству; и, наоборот, дешевое жилье для иммигрантов в пригородных парижских «черемушках» не работает, как было задумано, сталкиваясь с разницей сложившихся повседневных габитусов [Бурдье, 1993][1].

Для архитектуры определяющим событием отказался модернистский эксперимент первой половины XX века. Одним из главных мотивов, заставивших архитекторов искать новые пути, было недовольство растущим разрывом между архитектурой и инженерным делом. Классическая для архитектуры триада Витрувия «прочность, польза, красота» (Firmitas, Utilitas, Venustas) в тот момент оказалась поделенной между двумя профессиями так, что архитекторам досталась в основном красота в ущерб двум другим компонентам. Модернизм стал решительной попыткой вернуться к опыту инженеров и ремесленников, к «честному» стилю, в котором вещь, созданная, чтобы приносить пользу и изготовленная из подходящих материалов подходящими техническими методами, оказывается красивой сама по себе. Вместе с акцентом на пользе на выполняемой функции появился интерес к социальным задачам архитектуры, к социальным преобразованиям, которые могут принести правильная архитектура вместе с правильным градостроительством. Постмодернистский стиль второй половины XX века, игровой и ирониче-

1 См. также критику стиля «социологического Просвещения» в статье П. Степанцова в текущем номере.

ский, был следствием экспериментов модернизма, реакцией на его большие надежды и последующие разочарования[1].

Одним из важных для нас последствий расходящихся траекторий социологов и архитекторов стало то обстоятельство, что социология архитектуры, как бы ни понимать ее проблематику, до сих пор была областью, интересной для архитекторов намного больше, чем для социологов. Интерес архитекторов к социологии поддерживают десятилетия социальных экспериментов, ставших неразрывной частью опыта современной архитектуры и градостроительства. Интерес социологов к архитектуре — почти ничего. Даже поворот к материальности и исследованиям техники на рубеже XX-XXI веков, который, казалось бы, давал шанс обратить внимание на архитектуру и архитекторов, не переломил ситуацию. Архитектурные здания оказались вещами особого масштаба, разглядеть которые социологам парадоксальным образом труднее всего. Социология традиционно строилась из двух-трех главных интуиций: общества как предзаданной целостности, действующего индивида и/или наблюдаемой ситуации взаимодействия индивида. Первая приучила социологов к размерности стран и городов, здания в таком подходе оказываются неразличимо малыми. Две других обращают внимание на вещи, доступные человеческим манипуляциям в прямом изначальном смысле, — такие, размерность которых позволяет взять их в руки и совершить с ними некоторые физически наблюдаемые действия. Архитектура в этом случае оказывается, наоборот, непропорционально большой и поэтому все равно недоступной для объяснения.

Шанс прийти к общему знаменателю, несмотря на далеко разошедшиеся интересы, социологам и архитекторам дает общая философская повестка, задающая для разных дисциплин сходный набор интеллектуальных проблем. Новый материализм, акторно-сетевая теория, спекулятивный реализм, другие разновидности новых онтологий — так выглядит общий набор интеллектуальных раздражителей в наше время. Идеи Делёза, Хайдеггера, Симондона, Уайтхеда, их более поздних продолжателей пришли в социальные и прикладные дисциплины и заставляют по-новому взглянуть на привычные занятия. Как ответы социологов, архитекторов, философов перекликаются друг с другом и в чем по-прежнему отличаются, показывает в определенной мере наш выпуск.

1 Статьи К. Майоровой, М. Невлютова, В. Басса в нашем выпуске показывают, с одной стороны, разнообразие акцентов в трактовке модернистского и постмодернистского опыта, с другой — универсальность и принудительную силу заданной этим опытом матрицы любых рассуждений об архитектуре.

Традиционный социологизм демонстрирует свои возможности в статье Алисы Баранниковой о мемориальных досках в городском пространстве. В классическом социологистском стиле автор обнаруживает в изучаемом предмете «социальную ткань» с профессионально-групповыми различиями и «взаимодействие между социальными агентами» относительно того, чья групповая память должна (или не должна) быть воплощена в мемориальных досках. Материальной реальности города здесь отведена роль вместилища для «репрезентации процессов социального взаимодействия», площадки, на которой социальные группы сначала выбирают себе в духе Бурдье или ранних чикагцев подходящий участок в городском пространстве, а затем сотрудничают или конкурируют, закрепляя «свое» место в городе памятными знаками.

Более сложную версию социологизма, уже испытавшего влияние исследования наук и технологий (STS), представляют Эдуардо Айбар и Уиб Бейкер. Их анализ градостроительной политики в Барселоне второй половины XIX веке вписан в контекст исследований городских технологий, которые с конца 1970-х годов постепенно сдвигались от технологического детерминизма к акценту на социальной и культурной обусловленности технологий. В технологических фреймах Айбара и Бейкера групповые интересы и политические стратегии соперничающих социальных групп сплавлены с техническими навыками и приемами, будь то гигиенические расчеты, разбивка парадных площадей или строительство баррикад восставшими рабочими. Город, его планировка и застройка, приобретает самостоятельный интерес как материальный артефакт, который создают и видоизменяют, оставляя на нем свои записи, конкурирующие фреймы социально-технического мира.

Материальный поворот и симметричные онтологии добавляют новые сюжеты в привычную для социальных наук картину политических конфликтов. Город становится артефактом, предметом политического интереса становятся процессы поглощения вещества и энергии. Политика с ее вечной игрой власти и сопротивления превращается в космополитику, меняющую материальный ландшафт города. Тексты Леопольда Ламберта, Николая Руденко, как и исследование Айбара и Бейкера, вносят свои акценты в новое понимание архитектуры-как-политики и политики-как-архитектуры.

Из более ранних приобретений социологии важным для нашей темы оказывается поворот рубежа 1950-х–1960-х годов к прагматике микросоциологических взаимодействий. Именно он позволяет нам разглядеть в смутном «городском пространстве» отдельные здания и сооружения. Различные варианты такой перспективы предлагают Павел Степанцов, продолжатель витгенштейнианской социо-

логии Питера Уинча, и символические интеракционисты Рональд Смит и Валери Багни из рецензии Алексея Титкова. В обоих случаях авторы отталкиваются от одной и той же, казалось бы, простой интуиции, что характер взаимодействия людей с архитектурными объектами определяется как свойствами этих объектов, так и намерениями человека, вступающего во взаимодействие. Выводы из нее делаются, однако, едва ли не противоположные. Смит и Багни подчеркивают, что архитектурная планировка задает всего лишь набор возможностей, использование которых дальше зависит от свободного человеческого выбора. Они делают акцент на интерпретативной гибкости пользователей архитектурных объектов, которую, как правило, не учитывают сторонники амбициозных проектов архитектурного детерминизма. Степанцов, наоборот, больше интересуется тем, каким образом архитектурная форма задает потенциал семантического (что за объект) и прагматического (как с ним обращаться) «считывания» соответствующего объекта и тем самым влияет на практику обращения с ним. Смит и Багни категоричны: смысл создают люди, сооружения, как и другие вещи, смыслом не обладают, и тем самым, если довести тезис до конца, выпадают из круга интересов социолога. Степанцов предлагает обратное: сделать собственные свойства архитектурных объектов, — «аффордансы», как их называют с подачи дизайнера Дэвида Нормана [2006], — новым значимым предметом социологического анализа[1].

Не предрешая, какая из двух позиций когда-нибудь одержит верх в социальной науке, обратим внимание, как эти интуиции встречаются с идеями, развиваемыми со стороны архитектурной теории. Тезис, что архитектурные здания «не имеют смысла», с социологической стороны выглядит скорее скромным дистанцированием от непривычного объекта. С архитектурной стороны тот же тезис может стать, как показывает статья-манифест Марата Невлютова, основой для радикального переопределения «несемиотической природы» архитектуры. И проектировщики здания, и его пользователи обязательно придают архитектурному объекту некоторый смысл, вписывают его в определенные человеческие коды. Однако в самом здании нет ни смысла, ни кодов, сама архитектура существует вне каких-либо культурных систем кодификации. Будучи заброшенным, лишенным человеческого окружения, объект архитектуры остается сам собой и даже ярче, чем в привычных условиях, проявляет свою сущность. Автономия человека от ар-

1 Заявку на включение аффордансов природных и искусственных объектов в сферу интересов социологии см. в «Социологии за пределами общества» Дж. Урри [2012, с. 293-294].

хитектуры оборачивается автономией архитектуры от человека. В такой трактовке, как нельзя более созвучной идеям новых онтологий, архитектура, что не исключено, может стать для социологии объектом намного более привлекательным, чем казалась раньше.

Тезис о зданиях как относительно активных сущностях, тоже влияющих на человека и его поведение, сталкивает нас с мощной традицией модернистской архитектурной мысли, видевшей в архитектурных зданиях «машины для жилья» [Ле Корбюзье, 1977, с. 10], а в архитектурных проектах — инструмент для преобразования человеческой жизни. Социологию такая проблематика до сих лишь задела по касательной, прежде всего полувековой давности исследований дисциплинарных практик и тотальных институтов в работах Фуко [1999] и Гофмана [Goffman, 1961]. В архитектурной теории ситуация принципиально другая, здесь, пожалуй, ни одна дискуссия не возможна без упоминания идеологии модерна и связанных с ней социальных экспериментов.

В нашей подборке самую большую дань модернистской логике отдает статья Вадима Басса, в которой монументальная архитектура XX века описывается как инструмент воздействия на чувства, способный «включать» (или, наоборот, сглаживать) нужные переживания. Психологический эффект архитектурной формы, как отмечает Басс, стал неустранимым, едва ли не самым прочным элементом профессионального здравого смысла архитекторов. Вывод, что архитектура представляет собой «слабое искусство», неспособное породить эмоциональный отклик нужной силы без помощи других искусств, пока лучше отнести, как мне кажется, к конкретному типу разбираемых в статье мемориальных сооружений (мемориалы жертвам репрессий и геноцида). Пока нет оснований считать, что мы не можем найти в современном мире более действенных, в смысле влияния на чувства, архитектурных форм. В числе первых кандидатов можно предложить спортивные арены, описанные Слотердайком как современные «машины для возбуждения и сплочения» [Слотердайк, 2010, с. 613-665; Слотердайк, Хайнрихс, 2015, с. 175-185]. Футбол или иное зрелище, которое считается поводом для множества людей собраться вместе, вряд ли так важен сам по себе и был вынесен за скобки еще в знаменитом проекте Колизея Этьена Булле, задуманном как место, где масса граждан прославляет «процветание нации»: «Представьте себе триста тысяч человек, собравшихся в амфитеатре, где никто не может укрыться от взглядов толпы. Эффект, производимый таким стечением людских масс, был бы уникален. Зрители станут участниками этого удивительного спектакля, только они будут в ответе за его красоту» [цит. по: Аурели, 2014, с. 217].

Акторно-сетевая теория и объектно-ориентированная философия — два, наверное, самых активных игрока на теоретической сцене социологии последних двух десятилетий. Отношения между ними могут быть описаны в первом схематичном приближении как отношения революции и реакции [Вахштайн, 2017]. Такая схема предполагает простую драму в три акта. Революция открывает новые возможности, с революцией приходят новые проблемы, реакция возникает, чтобы справиться с этими новыми проблемами. Наш выпуск затрагивает все три стадии.

Начнем с наступательной стадии. Симметричные плоские онтологии, рассказывает Ксения Майорова, позволяют отказаться от антропоцентричного взгляда на архитектуру, создаваемой людьми и для людей. Привычная «человеческая» архитектура физического пространства сохраняется, но теперь обнаруживает рядом с собой множество родственных занятий, среди которых архитектура компьютеров и сетей, дизайн виртуальных игр, спекулятивный дизайн выдуманных миров и мысленных экспериментов (дальний родственник уже привычной «бумажной архитектуры»)[1]. Выгоды от такого расширения взгляда частично представляет рецензия Александра Ветушинского, посвященная обмену идеями между традиционной архитектурой и быстро развивающейся областью гейм-дизайна, и изучения компьютерных игр. Николай Руденко на примере ассамбляжной экологии Мэтью Ганди показывает, как экологическая составляющая теории позволяет сфокусироваться на происходящем в городе метаболизме вещества и энергии, на сложные сборки, которые создаются и поддерживаются не только людьми, но и другими формами животной и растительной жизни. Ключевой образ киборга подчеркивает телесный характер жизни в городе и роль материального интерфейса между человеческим телом и технологическими сетями города.

На внутренних проблемах акторно-сетевой теории делает акцент статья Сергея Астахова. Противоречия между семиотическими (симметричными) и материальными (асимметричными) составляющими материальной семиотики, между сильной концепцией времени и слабой концепцией пространства, неопределенный статус временных и пространственных категорий —

1 Киберпространство стало наглядным примером ухода от антропоцентричного подхода. Предложивший понятие «киберпространства» писатель-фантаст У. Гибсон [2017] представлял его цифровым подобием обычного города с доступными взгляду «зданиями» и «улицами» и с квазителесными перемещениями по нему, иногда опасными для жизни и здоровья. Привычная нам архитектура «всемирной паутины» обошлась без антропоморфных элементов такого рода.

проблемы такого рода, будучи сформулированными как чисто теоретические, на следующем шаге должны сказаться и на эмпирическом уровне, обнаружить себя в новых противоречиях и расколах.

Оптимистические по своему жанру «открывающие» тексты дают такой же серьезный повод задуматься, какой ценой достается новый взгляд на вещи, от чего мы должны отказаться, принимая новые направления. В мире новых онтологий архитектура рискует раствориться и потеряться во множестве других занятий, вообще-то мало напоминающих традиционное архитектурное ремесло. Мы обнаруживаем, что «ассамбляжно-экологический» город с инфраструктурными «ризомами» и циркулирующими потоками материи отчетливо напоминает старый добрый кошмар и модернистской, и классической архитектуры — «расползающийся город», который, по известной характеристике Вентури, Брауна и Айзенура, будучи «живым беспорядком» со всеми его достоинствами, «выглядит ужасно» и «не нравится архитекторам» [Вентурини, Браун, Айзенур, 2015, с. 144-147]. Точно так же обещанная Латуром и Яневой [Latour, Yaneva, 2008] картина «дома в движении», которая станет нам доступной с помощью «фоторужья» акторно-сетевой теории, оборачивается все теми же бесконечными сетями отношений (заказчик, архитектор, городские власти, соседи, ремонтные службы, экологические активисты, и так до потери воображения) и такими же нескончаемыми потоками трансформаций. Дом, каким его привыкли видеть архитекторы, исчезает, растворяясь в этих сетях и потоках.

Архитекторы в такой ситуации защищаются как собственными силами, опираясь на большую архитектурную традицию, так и с помощью внешних ресурсов, приходящих, в том числе, из все того же мира новых онтологий. Линии обороны и контрнаступления в обоих случаях оказываются похожими. Пример первого типа — относительно недавний, начала 2010-х годов, манифест Аурели «Возможность абсолютной архитектуры» [Аурели, 2014]. Вызов архитектуре Аурели видит в захватившей умы идеологии урбанизации, которая выводит на первый план интересы экономического города (urbs) с его бесконечными товарными потоками. План расширения Барселоны Ильдефонсо Серда, одного из героев нашего выпуска, для Аурели выступает знаковым документом, ранним идеологическим обоснованием урбанизма потоков и инфраструктуры. Политика в противовес экономике, четкая форма и граница против расползающихся потоков — так видит Аурели альтернативу урбанизации, стиль «абсолютной архитектуры», обнаруживая ее истоки и основания в творчестве образцовых архитектурных классиков старого и нового времени: Палладио, Пиранези, Булле, ван дер Роэ.

Как выглядит архитектурная реакция, взявшая на вооружение тезисы объектно-ориентированной онтологии Хармана, мы можем судить по тексту Марка Фостера Гейджа. Если нам не нравится, что архитекторы увязли в решении текущих проблем вместо того, чтобы создавать уникальные объекты, если мы хотим освободить архитектуру от роли инфраструктурного инструмента, нужного лишь для функционального решения прикладных задач, Харман с его миром уникальных сущностей — на нашей стороне. Критикуя объяснительные стратегии «надрыва» и «подрыва» [Harman, 2016], возражая против одностороннего интереса к уходящим в бесконечность сетям отношений между элементами, за которыми теряются реально существующие объекты [Harman, 2012], Харман дает необходимые аргументы, которые теперь вводятся в игру на собственном архитектурном поле. Здания не сводятся к своим элементам, даже к самым технически и экологически продвинутым. Архитектура не сводится к функциональным задачам, создаваемые архитектором объекты не ограничиваются чувственными эффектами, которые они оказывают, поскольку подразумевают также более глубокую истинную реальность. Теперь это не просто лозунги, теперь за ними стоит авторитет одного из самых провокационных философских течений 2010-х годов.

Диалоги философов, диалоги архитекторов, диалоги социологов — пока, наверное, рано говорить, что они вот-вот соединятся в один диалог, но общих тем, общих вопросов, взаимно интересных решений становится все больше.

Библиография

Аурели П.В. (2014) В*озможность абсолютной архитектуры*, М.: Strelka Press.

Беньямин В. (2013) Париж — столица девятнадцатого столетия. Беньямин В. *История фотографии*, М.: Ад Маргинем: 36–59.

Бурдье П. (1993) Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение. Бурдье П. *Социология политики*, М.: Socio-Logos: 33–52.

Вахштайн В. (2017) Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии. *Логос*, 1 (116): 41–84.

Вентури Р., Браун Д.С., Айзенур С. (2015) *Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы*, М.: Strelka Press.

Вёльфлин Г. (1930) О*сновные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве*, М.; Л.: Академия.

Гибсон У. (2017). Нейромант. Гибсон У. *Нейромант: Трилогия «Киберпространство»*, СПб: Азбука: 7-238.

Зиммель Г. (1996) Руина. Зиммель Г. *Избранное. Т. 2. Созерцание жизни*, М.: Юристъ: 227–233.

Зиммель Г. (2013) Мост и дверь. *Социология власти*, 3: 145–150.

Ле Корбюзье (1977) К архитектуре. Ле Корбюзье. *Архитектура XX века*, М.: Прогресс: 9–24.

Норман Д. (2006) *Дизайн привычных вещей*, М.: Вильямс.

Прак Н.Л. (2017) *Язык архитектуры: очерки архитектурной теории*, М.: Дело.

Слотердайк П. (2010) Пена: Сферы. Т. III. *Плюральная сферология*, СПб.: Наука.

Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. (2015) *Солнце и смерть: диалогические исследования*, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Сорокин П. (2000) *Социальная и культурная динамика*, СПб.: Изд. РХГА.

Урри Дж. (2012). *Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, М.: Ad Marginem.

Benjamin W. (1999) *The Arcades Project*, Cambridge; London: The Belknap Press

Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, Garden City: Anchor Books.

Harman (2012) On the **Supposed Societies** of Chemicals, **Atoms**, and **Stars** in Gabriel Tarde. G. Pereira (ed.) *Savage Objects*, Lisboa: Imprensa Nacional Casa da Moeda: 33–43.

Harman G. (2016) Immaterialism: *Objects and Social Theory*, Cambridge: Polity Press.

Latour B., Yaneva A. (2008) Give me a Gun and I will Make All Buildings Move: An ANT View of Architecture. R. Geiser (ed.). *Explorations in Architecture: Teaching, Design, Research*, Basel: Birkhäuser: 80–89.

References

Aureli P.V. (2014) *Vozmozhnost' absolutnoj arkhitektury [The Possibility of an Absolute Architecture]*, M.: Strelka Press.

Benjamin W. (1999) *The Arcades Project*, Cambridge; London: The Belknap Press.

Benjamin W. (2013) *Parizh — stolica devyatnadtsatogo stoletiya [Paris, Capital of the Nineteenth Century]. Benjamin W. Kratkaja istorija fotografii [A Short History of Photography],* M.: Ad Marginem Press: 36–59.

Bourdieu P. (1993) Fizicheskoe I sotsial'noe prostranstvo: proniknovenie I prisvoenie [Physical and Social Space: Penetration and Appreprіation]. Bourdieu P. *Sotsiologja politiki [Sociology of Politics]*, M.: Socio-Logos: 33–52.

Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*, M.: Ad Marginem.

Gibson W. (2017). Nejromant [Neuromancer]. Gibson W. *Nejromant: Trilogija «Kiberprostransvo»* [Neuromencer: Cyberspace Trylogy], St. Petersburg: Azbuka: 7-238.

Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, Garden City: Anchor Books.

Harman (2012) On the Supposed Societies of Chemicals, Atoms, and Stars in Gabriel Tarde. G. Pereira (ed.) *Savage Objects*, Lisboa: Imprensa Nacional Casa da Moeda: 33–43.

Harman G. (2016) Immaterialism: *Objects and Social Theory,* Cambridge: Polity Press.

Latour B., Yaneva A. (2008) Give me a Gun and I will Make All Buildings Move: An ANT View of Architecture. R. Geiser (ed.) *Explorations in Architecture: Teaching, Design, Research*, Basel: Birkhäuser: 80–89.

Le Corbusier (1977) *Toward Architecture. Le Corbusier. Arkhitektura XX veka [The Architecture of XX Century]*, M.: Progress: 9–24.

Norman D. (2006) *Dizajn Privychnyh veschej [The Design of Everyday Thing]*, M.: Vil'yams.

Prak N.L. (2017). *Jazyk arhitektury: Ocherki arhitekturnoj teorii [The Language of Architecture: A Contribution to Architectural Theory]*, M.: Delo.

Simmel G. (1996). Ruina [The Ruin]. Simmel G. *Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni [Selected Works. Vol. 2. The View of Life],* M: Jurist: 227–233.

Simmel G. (2013) Most I dver' [Bridge and Door]. *Sotsiologija vlasti [Sociology of Power]*, 1: 145–150.

Sloterdijk P. (2010) *Pena: Sfery. Tom III. Plural'naja sferologija [Foam: Spheres. Vol. III.: Plural Spherology]*, St. Petersburg: Nauka.

Sloterdjk P., Heinrichs H.-J. (2015) *Solntse Iismert': dialogicheskie issledovanija [Neither Sun nor Death]*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.

Sorokin P. (2000) *Sotsial'naja I kulturnaja dinamika [Social and Cultural Dynamics]*, St. Petersburg: Izdatel'stvo RHGA.

Urry J. (2012). *Sotsiologija za predelami obschestv: Vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija [Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century].* Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki.

Vakhshtayn V. (2017) Revolutsiya I reaktsiya: ob istokah ob'ektno-orientirovannoy sotsiologlii [Revolution and Reaction: On the Origins of Object-Oriented Sociology]. *Logos*, 1 (116): 41–84.

Venturi R., Brown D.S., Izenour S. (2015). *Uroki Las-Vegasa: Zabytyj simvolizm arhitekturnoj formy [Learning from Las-Vegas: The Forgotten Sybmolism of Architectural Form],* M.: Strelka Press.

Wölfflin H. (1930). *Osnovnye ponjatija istorii iskusstv: Problema evoljutsii stilja v novom iskustve [Principles of Art History. The Problem of the Development of Style in Later Art]*, M.; Leningrad: Academia.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Титков А.С. (2017) Социологи и архитекторы: два пути к новым онтологиям. *Социология власти*, 29 (1): 8-18.

Titkov A.S. (2017) Sociologists and Architects: Two Ways Towards New Ontologies. *Sociology of power*, 29 (1): 8-18.